

Т.П. Буслакова

«Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920)

«Приключение» лирического героя действительно «необычайное», фантастическое: к нему «по доброй воле», «впервые с сотворенья» заходит «на чай» само солнце. Сюжет разворачивается как реализация метафоры «спускалось солнце». Достоверность встречи «светила» и лирического героя подтверждена множеством реальных деталей — бытовых (июльская жара, дача в Пушкино, деревня, поле, сад, самовар, варенье) и психологических («однажды разозлясь... крикнул»; «Хочу испуг не показать —//и ретируюсь задом»; «дух переведя,//заговорило басом»; «сконфужен,//я сел на уголок скамьи»; «На “ты” мы с ним, совсем освоюсь»; «дружбы не тая,//бью по плечу его я»). Лирический герой автобиографически близок автору. Это «поэт», «Владимир Маяковский», отдыхающий «на даче» от работы в «РОСТА», где он рисует «плакаты», не зная «ни зим, ни лет».

Образ солнца является олицетворением, по мере развития лирического сюжета приобретающим черты символа. В начале стихотворения речь о солнце заходит в связи с «летом», «жарой» и «закатом». Неизбежность смены дня и ночи начинает «день за днем//ужасно злить» лирического героя, придающего особое значение наступлению ночи («в страхе все поблекло»). У него возникает пока не проясненная ассоциация между солнцем и самим поэтом:

Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
Занежен в облака ты,
а тут не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!»

Необдуманно бросив солнцу приглашение «зайти» («Что я наделал!//Я погиб»), он видит, как «раскинув луч-шаги,//шагает солнце в поле». С этого момента и появляется олицетворение: поначалу неодушевленная «солнца масса» превращается в героя, говорящего «басом», собирающегося пить чай с вареньем, полного «странной... яси», откровенно беседующего с поэтом, жалующегося ему на то, что «светить» нелегко («Поди, попробуй!»), наконец, переходящего с ним «на «ты» и называющего его «товарищем». При этом солнце — герой необычный, это «оно» («свалилось», «заговорило»), «светило», огонь («жара с ума сводила»). Постепенно эта «необычайность» выходит на первый план. Общность «поэта» и «солнца», заявленная на бытовом уровне, оказывается глубинной:

А солнце тоже:
«Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты — свое,
стихами».

Внимание к слову «нас» обусловлено ритмическим перебоем, единственным в написанном разноstopным ямбом стихотворении. Благодаря аналогии, на поэта переносятся качества символа света — солнца, их задачи, «лозунги» совпадают:

Светить всегда,
Светить везде,
до дней последних донца,

светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

Антитезе «солнце — ночь» соответствует противостояние поэта и «мира в сером хламе». «Лозунг» поэта многозначен: это и определение содержания поэзии, льющей «свет», побеждающий «тупую сонницу», и непримиримая борьба с разноликим миром тьмы ради того, чтобы восторжествовала «стихов и света кутерьма», и утверждение действенности творчества. Поэзия способна разрушить «стену теней, ночей тюрьму», она оружие («солнц двустволка») в руках поэта. Эта метафора обусловила появление таких форм глаголов «сиять» и «светить», которые образованы по аналогии с глаголом «стрелять» («сияй во что попало», «во всю светаю мочь»).

Роль поэта оказывается тоже «необычайной», исключительной: он оживляет, одухотворяет мир. Воспевая высокое предназначение художника, автор не выходит за рамки бытовой лексики. Гимн свету (образования от этого слова и их синонимы встречаются в стихотворении пятнадцать раз, в конце повтор активизируется) звучит как агитка, вырастает из будничной зарисовки. «Светить» — обыденное дело поэта, его повседневная работа и в то же время смысл жизни «до дней последних донца». Одическая интонация финала, вырастающая из бытового фона, делает особенно выразительным уподобление художника «светилу», солнцу, приносящему в мир свет, красоту, радость, «трезвон» вечного «дня».